

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2023/2024 уч. год

БЛАНК ЗАДАНИЙ
7-8 КЛАСС

ЗАДАНИЕ 1

(тестового характера).

1.1. Определите, где ошибка в приведенном списке, объясните свой выбор:

- А. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»;
- Б. «Сказка о потерянном времени»;
- В. «Сказка о золотом петушке»;
- Г. «Царевна-лягушка».

1.2. Дополните список одним элементом (напишите автора и название):

- А. Братья Гримм «Белоснежка»;
- Б. В. Дорошевич «Волшебное зеркало»;
- В. ....

1.3. Узнайте писателя XIX века по информации из биографической справки:

«Он был сыном русского офицера, усмирившего бунт Пугачева, рано начал работать, потому что семья после смерти отца очень нуждалась. Из-за бедности и недостатка средств он не получил систематического образования, но всю жизнь занимался самообразованием: прекрасно играл на музыкальных инструментах, говорил на нескольких языках, любил театр, писал пьесы, мечтал стать драматургом, однако, прославился, описывая животных, насекомых, овощи, фрукты, предметы. Среди его известных персонажей – мартышка, муравей, очки, виноград, стрекоза, лебедь и шука».

ЗАДАНИЕ 2.

Сделайте письменное сравнение стихотворений Д. Самойлова и Н. Заболоцкого о море. В письменном анализе учтите особенности восприятия моря у поэтов: с кем сравнивается море, олицетворяется ли оно, каково отношение автора к нему.

Давид Самойлов «Море»	Николай Заболоцкий «Над морем»
Сначала только пальцем Покатывало гальку И плотно, словно панцирь, Полнеба облегалo, Потом луна в барашках Сверкала белым кварцем. Потом пошло качаться. И наконец взыграло.	Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый, Повеял на меня — и этот сонный Крым, И этот кипарис, и этот дом, прижатый К поверхности горы, слились навеки с ним. Здесь море — дирижер, а резонатор — дали, Концерт высоких волн здесь ясен наперед. Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,

Когда взыграло море, Душа возликовала, Душа возликовала И неба захотела. И захотела ветра, И грома, и обвала. А чем она владела — Того ей было мало!..	И эхо среди камней танцует и поет. Акустика вверху настроила ловушек, Приблизила к ушам далекий ропот струй. И стал здесь грохот бурь подобен грому пушек, И, как цветок, расцвел девичий поцелуй. Скопление синиц здесь свищет на рассвете, Тяжелый виноград прозрачен здесь и ал. Здесь время не спешит, здесь собирают дети Чабрец, траву степей, у неподвижных скал.

ЗАДАНИЕ 3.

Представьте, что на нашей планете нет моря. Предложите свой образ моря: напишите лирическое стихотворение о море. Стихотворение по структуре может быть рифмованными строчками (не менее 8 строк), так и белым стихом, стихотворением в прозе. Используйте опорные слова: море, звезды, волны, берег.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2023/2024 уч. год

БЛАНК ЗАДАНИЙ
9 КЛАСС

ЗАДАНИЕ 1 (тестовое).

1.1. По краткой биографической заметке узнайте русского писателя XVIII века. Впишите его фамилию в бланк ответа.

Род писателя происходил от ливонских рыцарей, предка писателя приняли на русскую службу при Иване Грозном. Учась в Московском университете, писатель был одним из лучших учеников, его даже отправили в Санкт-Петербург, чтобы представить основателю Московского университета графу Ивану Шувалову. В столице начинающий писатель познакомился с Михаилом Ломоносовым и первым руководителем русского театра Александром Сумароковым. После окончания университета писатель поступил на службу переводчиком в коллегии иностранных дел. Через год, в 1763 году, он переехал в Петербург, где его назначили секретарем при кабинет-министре Иване Елагине. Первое произведение писателя имело шумный успех в 1769 году.

1.2. Узнайте персонажа по высказыванию (монологу). Назовите произведение и его автора.

А. «Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою».

Б. «А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову Божию, — годов будет тому с двадцать пять».

В. «Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным слушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения».

ЗАДАНИЕ 2 (аналитическое)

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Григорий Горин

Воскресные прогулки

Каждое воскресенье я провожу вместе с отцом. Обязательно. Несмотря на занятость, бросаю все дела и отправляюсь вместе с ним куда-нибудь – в парк, в кино или просто в сквер. Отец любит гулять со мной и не пропускает ни одного воскресенья.

Вот и сегодня, только я проснулся, он уже стоит в моей комнате.

– Здравствуй, – говорит он. – Куда мы сегодня?

– Сегодня в зоопарк, – говорю я. – Согласен?

Отец кивает головой. Он любит ходить в зоопарк. Мы бывали там много-много раз, и этот животный мир мне, честно говоря, уже поднадоел, но он любит.

Пока я чищу зубы, одеваюсь, пока бабушка поит меня молоком и пришивает бретельку к штанам, отец сидит в моей комнате и листает книги. Из кухни сквозь открытую дверь я вижу, как он рассматривает картинки и чему-то улыбается.

– Я готов! – кричу я.

– Булки для лебедей взял? – спрашивает отец.

– Взял.

В зоопарке никого нельзя кормить, кроме лебедей. Это отец знает. В первый раз, когда мы пришли с ним туда, он бросал обезьянам конфеты, и нас чуть не оштрафовали. А лебедей кормить можно. Они очень смешно толкаются в воде и ловят куски булки прямо на лету. Мы едем в автобусе. Отца я посадил ближе к окну – он любит смотреть на дома. Я грызу яблоко. Если в автобусе грызть яблоко, дорога всегда кажется короче.

– Как дела на работе?

– Ничего, – говорит отец. – Все в норме.

– Звягинцев свирепствует?

– Немного... – отец сконфуженно улыбается и пытается обнять меня за плечи, но я не даюсь.

Звягинцев – начальник там, где работает отец. Он всегда придирается к отцу и делает ему разносы на совещаниях. Звягинцев – хам. Впрочем, отец тоже виноват – нельзя быть таким рохлей.

Мы долго идем мимо птичьих вольеров, смотрим на купающихся медведей, потом стоим возле загона, в котором ходят дикие олени.

– Почему они языки свесили? – спрашивает отец.

– Им жарко, – говорю я. – Необходима терморегуляция... Влага испаряется, понимаешь? А еще у оленя есть в сердце кость...

– Не может быть! – отец испуганно смотрит на меня.

– Я читал. Ну, может, и не совсем кость, но какая-то костная основа имеется. Поэтому олени такие выносливые.

Отец смотрит на меня вытаращенными глазами и, кажется, вот-вот расплчется.

– Нет кости, – говорю я. – Пошутил!

Мы уходим от загона и направляемся к повозкам с пони. Мне хочется покататься на пони.

Отцу тоже хочется покататься на пони, но взрослым запрещено. Я пытаюсь уговорить билетера, объясняю, что отец – легкий и пони не надорвется, но билетер не разрешает. Тогда я закатываю истерику. Это мой проверенный прием. Валюсь на землю, строю ужасные рожи и ору:

– Папочка! Я хочу с папочкой! Пустите моего папочку!

Собирается толпа. Меня поднимают с земли, вытирают слезы. Я мелко дрожу и всхлипываю. Кто-то кричит на билетера. Тот огрызается, но продает отцу билет.

Мы делаем на повозке два круга. Пони бегут быстро. Непонятно, откуда у них такие силы. Отец обнимает меня, смеется и на поворотах громко кричит: «И-эх!»

Когда повозка останавливается, он еще несколько минут не может прийти в себя, ерошит волосы и, глядя на меня молящими глазами, спрашивает:

– Хочешь еще?

Мне жалко его, но я решительно говорю:

– Хватит!

Печально, что приходится быть с ним строгим, но мама права – во всем надо знать меру.

Потом мы идем в кафе, заказываем мороженое. Сегодня здесь богатый ассортимент:

каждому приносят по три шарика – шоколадный, фруктовый и апельсиновый. Апельсиновый – самый вкусный, если его не глотать кусками, а понемногу слизывать с ложечки. А еще интересней совсем не глотать, а положить кусок мороженого в рот и ждать, пока оно само растает.

– Что у тебя с квартирой? – спрашиваю я.

– Был в райисполкоме, – поспешно говорит отец и кладет ложку.

– Ну что?

– Они обещали через пару лет...

– Ты же очередник! Надо взять письмо с работы!

– Давай в кино пойдем, – предлагает отец. – Новая серия «Ну, погоди!».

– Нет, – говорю я. – Пойдем в сквер.

Отец быстро доедает мороженое, и мы встаем.

Меня всегда бесит его отношение к квартире. В конце концов, при его стаже он имеет право получить квартиру и через свое министерство. У нас сосед так получил. Но разве отцу втолкуешь?

Бабочка пролетела. Странная какая-то бабочка – коричневая, а на крыльях зеленые кружочки... Вот бы поймать! Но чем поймать – сачок не взял, а панамкой не накроешь...

Кстати, насчет квартиры можно посоветовать отцу пожаловаться в газету. Все так делают...

Мы приходим в сквер. Это очень красивый сквер и недалеко от нашего дома. Здесь есть детская площадка с песком и много скамеек. Тут мы обычно гуляем с родителями.

Вижу Сашку Кулагина. Он ведет за руку своего отца. На отце новенький джинсовый костюм с желтыми клепками. Сашка у нас знаменитость – поет в детском хоре при консерватории. В этом году Сашкин хор выезжал на гастроли за границу, вот он отца и одевает во все фирменное.

– Сашка! – кричу я. – Давай сюда!

Сашка увидел меня, замахал рукой.

– Знакомьтесь, это мой папа, – говорю я.

– А это – мой! – говорит Сашка и подталкивает своего отца к моему.

Они пожимают друг другу руки, смущенно переминаются с ноги на ногу.

– Вы тут на скамейке посидите, а мы пошли играть, – говорит Сашка, и мы бежим к детской площадке.

Наши отцы некоторое время стоят молча, потом садятся на скамейку, закуривают.

– Сколько твоему? – спрашивает Сашка.

– Тридцать три. А твоему?

– А моему уже тридцать семь. Но он ничего выглядит, да?

– Твой в порядке! – говорю я. – А мой что-то сдает. Бледный, не ест ничего...

Сашка наваливает лопаткой песок, а я ладонями прорываю туннель. Это метро. Сейчас здесь пройдет поезд.

– Осторожно! Двери закрываются! – писклявым голосом кричит Сашка, и я медленнодвигаю вагончики.

Три часа дня. Пора обедать. Я поднимаюсь с земли, отряхиваюсь, иду к скамейке. Увидев меня, отец поспешно встает, гасит сигарету.

– Нам пора, – говорит он Сашкиному отцу. – Всего хорошего! Очень рад был познакомиться.

– До свидания! – говорит Сашкин отец и тоже встает. – До свидания, мальчик. Какой ты бутуз! – Он пытается ущипнуть меня за щеку, но, поймав строгий Сашкин взгляд, испуганно отдергивает руку.

Мы идем по направлению к дому. Это недалеко, но мы всегда проходим это расстояние медленным шагом. Видно, что отцу очень не хочется от меня уходить, – но что поделаешь?

– До свидания, – говорит он, когда мы подходим к дому. – До свидания! – И целует меня в щеку.

– До свидания, папа, – говорю я. – До следующего воскресенья. Пойдем в кукольный театр, на «Чебурашку»! Мне обещали достать билеты. Ты ведь не видел «Чебурашку»?

Он улыбается, машет мне рукой и уходит по тротуару к остановке автобуса...

Они развелись пять лет назад. В чем там было дело, я пока не знаю.

Конечно, мне надо бы гулять с ним почаще, но что поделаешь, когда столько дел. А тут еще в детском саду к понедельнику велели склеить разноцветные кубики...

Выполняя целостный анализ произведения Г. Горина, примите во внимание следующие особенности его содержания: позицию рассказчика, юмористический пафос, особенности поведения персонажей.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Игорь Киселев

***

Тригорское в замети снежной —
Деревья, тропинки, пруды.
Здесь музы, печальной и нежной,
Еще не остыли следы.

Здесь голос твой где-то затерян,
Давно ль он а садах не стихал?
Здесь не было счету затеям
И не было счету стихам.

Дивились дворовые женки,
Расплющив носы о стекло,
Как пламя студенческой жженки
Над пуншевой чашей цвело.

Сердились: застольные песни
Им снова уснуть не дают
Тригорское...
Пушкин!
Не здесь ли
Единственный сердца приют?

Из сада ты прыгал в окошко.
Глаза горячи и темны.
И девушки были немножко
Все сразу

В тебя влюблены.

Они выбегали в потемки
К скамье, что стоит на краю
(Теперь называют потомки
Онегинской эту скамью).

Глядели с волнением сладким
Туда, где закат не погас:
Не скачет ли всадник в крылатке
Зачинщик веселых проказ?

Ах, Пушкин!
Как странно и жутко
Поет непогода окрест!
Какая нелепая шутка —
Твой этот последний приезд!

Метельные вихри косые
Саней зализали следы,
И кажется: нет над Россией —
Над всей! —
Ни огня, ни звезды...

Выполняя целостный анализ произведения И. Киселева, примите во внимание следующие особенности его содержания: этапы пушкинской судьбы, связь с пушкинскими произведениями, точку зрения лирического субъекта. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

ЗАДАНИЕ 3 (творческое).

Письмо другу

Представьте, что Петр Гринев пишет письмо своему другу, помогите ему. Учитывая особенности его характера, происшедшие с ним события, его точку зрения, сформируйте текст письма.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2023/2024 уч. год

БЛАНК ЗАДАНИЙ
10 КЛАСС

Задание 1 (тестовое)

Кто из персонажей литературных произведений видит эти *сны*? Заполните таблицу:
Укажите персонажа, автора и название произведения.

1.1. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! Пришли, понюхали – и пошли прочь.

1.2. И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

1.3. Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

1.4. По краткой биографической заметке узнайте русского писателя XIX века. Впишите его фамилию в бланк ответа.

«Он мало прожил, но успел многое. Стал личным врагом царя Николая I, храбро воевал, не надеясь на награды и почести, писал стихи, создал первый психологический русский роман, дрался на дуэлях и погиб от руки сослуживца, не понимавшего, с каким гением он стреляется».

Задание 2 (аналитическое)

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Юрий Казаков

НА ПОЛУСТАНКЕ

Была пасмурная холодная осень. Низкое бревенчатое здание небольшой станции почернело от дождей. Второй день дул резкий северный ветер, свистел в чердачном окне, гудел в станционном колоколе, сильно раскачивал голые сучья берез.

У сломанной коновязи, низко свесив голову, расставив оплывшие ноги, стояла лошадь. Ветер откидывал у ней хвост на сторону, шевелил гривой, сеном на телеге, дергал за поводья. Но лошадь не поднимала головы и не открывала глаз: должно быть, думала о чем-то тяжелом или дремала.

Возле телеги на чемодане сидел вихрастый рябой парень в кожаном пальто, с грубым, тяжелым и плоским лицом. Он частыми затяжками курил дешевую папиросу, сплевывал, поглаживал подбородок красной короткопалой рукой, угрюмо смотрел в землю.

Рядом с ним стояла девушка с припухшими глазами и выбившейся из-под платка прядью волос. В лице ее, бледном и усталом, не было уже ни надежды, ни желанья; оно казалось холодным, равнодушным. И только в тоскующих темных глазах ее притаилось что-то болезненно-невывыказанное. Она терпеливо переступала короткими ногами в грязных ботиках, старалась стать спиной к ветру, не отрываясь смотрела на белое хрящеватое ухо парня.

Со слабым шорохом катились по перрону листья, собирались в кучи, шептались тоскливо о чем-то своем, потом, разгоняемые ветром, снова крутились по сырой земле, попадали в лужи и, прижавшись к воде, затихали. Кругом было сыро и зябко...

— Вот она, жизнь-то, как повернулась, а? — заговорил вдруг парень и усмехнулся одними губами.

— Теперь мое дело — порядок! Чего мне теперь в колхозе? Дом? Дом пускай матери с сестрой достается, не жалко. Я в область явлюсь, сейчас мне тренера дадут, опять же, квартиру... Штангисты-то у нас какие? На соревнованиях был, видал: самолучшие еде на первый разряд идут. А я вон норму мастера жиманул запросто! Чуешь?

— А я как же? — тихо спросила девушка.

— Ты-то? — Парень покосился на нее, кашлянул. — Говорено было. Дай огляжусь — приеду. Мне сейчас некогда... Мне на рекорды давить надо. В Москву еще поеду, я им там дам жизни. Мне вот одного жалко: не знал я этой механики раньше. А то бы давно... Как они там живут? Тренируются... А у меня сила нутряная, ты погоди маленько, я их там всех вместе попримму. За границу ездить буду, житуха начнется — дай бог! Н-да... А к тебе приеду... Я потом это... напишу...

Вдали послышался слабый, неясный шум поезда; унылую тишину хмурого дня прорезал тонкий тягучий гудок; дверь станции хлопнула, на перрон, прячась в воротник шинели, вышел начальник станции с заспанным лицом, в красной фуражке с темными пятнами мазута.

Он покосился на одиноких пассажиров, вытащил папиросу, помял ее в пальцах, понюхал и, посмотрев на небо, спрятал в карман. Потом, зевнув, сипло спросил:

— Какой вагон?

Парень тяжело повернул голову на короткой толстой шее, посмотрел на новые калоши начальника станции, полез за билетом.

— Девятый. А что?

— Ну-ну... — пробормотал начальник и снова зевнул. — Девятый, говоришь? Так...

Девятый. А погода — сволочь. Ох-хо-хо...

Отвернулся и, обходя лужи, побрел к багажному отделению. Поезд показался из-за леса, быстро приблизился, сбавляя ход, прокричал еще раз, устало и тонко. Парень поднялся, бросил папиросу, посмотрел на девушку: та силилась улыбнуться, но губы не слушались, тряслись.

— А ну, хватит! — проворчал парень, нагибаясь за чемоданом. Слыхала? Хватит, я говорю!

Они медленно пошли по перрону навстречу поезду. Девушка жадно заглядывала парню в лицо, держалась за рукав, говорила, путаясь и торопясь:

— Ты там берегись, слишком-то не подымай... А то жила какая-нибудь лопнет... О себе подумай, не надрывайся... Я что? Я ждать буду! В газетах про тебя искать буду... Ты обо мне не мечтай. Так я это, люблю тебя, вот и плачу, думаю...

— А ну, брось! — сказал парень. — Сказано — приеду...

Мимо них, сотрясая землю, прошел паровоз, обдав их теплом и влажным паром. Потом все медленней и медленней пошли усталые вагоны: один, другой, третий...

— Вон девятый! — быстро сказала девушка. — Подождем!

Вагон мягко остановился возле них. В тамбуре толпились измятые, бледные пассажиры, с любопытством выглядывали наружу. За окном стоял толстый небритый человек в полосатой пижаме и, наморщив маленький пухлый лобик, ожесточенно дергал раму. Рама не поддавалась, и пассажир страдальчески морщился. Наконец ему удалось открыть окно, он сейчас же высунулся, оглядывая с близорукой улыбкой полустанок, увидел девушку, еще шире улыбнулся и слабо закричал:

— Девушка, это какая станция?

— Лунданка, — сипло сказал проводник.

— Базар есть? — спросил человек в пижаме, по-прежнему глядя на девушку.

— Нету базара, — опять отозвался проводник. — Две минуты стоим.

— Как же так? — изумился пассажир, все еще глядя на девушку.

— Закройте окно! — попросили из вагона капризным голосом.

Человек в пижаме обернулся, показывая пухлую спину, потом, жалко улыбаясь, закрыл окно и вдруг исчез, будто провалился.

Парень поставил чемодан на подножку вагона, повернулся к девушке.

— Ну, прощай, что ли, — тяжело проговорил он и сунул руки в карманы.

У девушки поползли по щекам слезы. Она всхлипнула, уткнулась парню в плечо.

— Скучно мне будет, — шептала она. — Пиши почаще-то... Слышишь? Пишии...

Ведь приедешь?

— Сказано уже, — неохотно и испуганно говорил парень. — Оботри слезы-то... Ну!

— Да я ничего, — шептала девушка, задыхаясь, быстро, по-беличьи стирая слезы и влюбленно глядя в лицо парню. — Одна я остаюсь. Помни, о чем говорили-то...

— Я помню, мне что! — хмуро бормотал парень, задирая голову и поводя глазами.

— А мне... Я всю жизнь для тебя... Ты знай это!

— Сказано... — буркнул парень, равнодушно глядя себе под ноги.

Два раза надтреснуто, жидко ударил колокол.

— Гражданин, попрошу в вагон, останетесь... — сказал проводник и первым полез торопливо на площадку.

Девушка побледнела, схватилась рукою за рот.

— Вася! — закричала она и невидящим взглядом посмотрела на пассажиров: те сразу отвернулись. — Вася! Поцелуй же меня...

— Мне что... — пробормотал парень, затравленно покосился назад и нагнулся к девушке. Потом выпрямился, словно кончил тяжелую работу, вскочил на подножку. Девушка тихо ахнула, закусила прыгающую губу, закрыла лицо руками, но тотчас отняла руки...

Под вагонами зашипело, сдавленно крикнул впереди паровоз, и так же сдавленно отозвалось из леса короткое, глухое эхо. Вагоны едва уловимо тронулись. Заскрипели шпалы. Парень стоял на подножке, хмуро смотрел на девушку, потом покраснел и негромко крикнул:

— Слышь... Не приеду я больше! Слышь... Он оскалился, сильно втянул в себя воздух, сказал еще что-то непонятное, злое и, взяв с подножки чемодан, боком полез в тамбур.

Девушка сразу как-то согнулась, опустила голову... Мимо нее мелькали вагоны, глухо дышали шпалы, что-то поскрипывало, попискивало, а она пристально, не мигая, смотрела на радужное пятно мазута на рельсе, скрывавшееся на мгновение под колесами и снова показывающееся, смотрела задумчиво, робко, незаметно для себя все ближе подвигаясь к этому пятну, будто манило, притягивало оно ее. Она напрягалась, прижимала руку к нетерпимо болевшему сердцу, робкие, почти еще детские губы ее все белели...

— Берегись! — раздался вдруг дикий крик над ее головой.

Девушка вздрогнула, моргнула, радужное пятно посветлело, поскрипывание шпал и стук колес прекратились, и, подняв голову, она увидела, что последний вагон с круглым красным щитком на буфере неслышно, как по воздуху, уплывает все дальше. Тогда она подняла голову к низкому, равнодушному небу, стянула на лицо платок и завывла по-бабьи, качаясь, будто пьяная:

— Уеха-а-ал!..

Поезд быстро скрылся за ближним лесом. Стало тихо. Шаркая по земле ногами, подошел начальник станции, остановился за спиной девушки, зевнул.

— Уехал? — спросил он. — Н-да... Нынче все едут.

Помолчал, потом смачно плюнул, растер плевков ногой.

— Скоро и я уеду... — забормотал он. — На юг подамся. Тут скука, дожди... А там, на юге-то, теплынь! Эти — как их? — кипарисы...

Окинул взглядом фигуру девушки, долго смотрел на грязные ботики, спросил негромко и равнодушно:

— Вы не из «Красного маяка» будете? А? Н-да... Вон оно что... А погода-то — сволочь. Факт!

И ушел, волоча ноги, старательно обходя лужи.

Девушка долго еще стояла на пустой платформе, смотрела прямо перед собой и ничего не видела: ни темного, мокрого леса, ни тускло блестящих рельсов, ни бурой никлой травы... Видела она рябое и грубое лицо парня.

Наконец вздохнула, вытерла мокрое лицо, пошла к лошади. Отвязала лошадь, поправила шлею, перевернула сено, оскользнувшись, забралась на телегу, тронула вожжи. Лошадь подалась назад, вяло махнула хвостом, сама завернула, с трудом переставляя ноги, пошла мимо палисадника, мимо стогов сена и сложенных крест-накрест шпал к проселочной дороге.

Девушка сидела, не шевелясь, глядя вверх дуги, потом в последний раз оглянулась на полустанок и легла в телеге ничком.

Выполняя целостный анализ произведения Ю. Казакова, примите во внимание следующие особенности его содержания: особенности пространственной структуры; символические детали; смысл концовки; литературную традицию. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Николай Рубцов

СТАРАЯ ДОРОГА

Всё облака над ней,
всё облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука...
Навстречу им – июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам–качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза!

То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин – властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Ещё порой проскачут верховые,
И снова–глушь, забывчивость, заря,
Всё пыль, всё пыль, да знаки верстовые...

Здесь каждый славен –
мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как прежде, облака... 1966

Выполняя целостный анализ стихотворения Н. Рубцова, примите во внимание следующие особенности его содержания: особенности пространственной структуры; символические детали; значение прошлого и настоящего дороги, связь русской истории и русского пространства. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 3 (творческое).

Письмо другу

Представьте, что помещик Манилов пишет письмо своему другу, описывая посещение П. П. Чичикова, помогите ему. Учитывая особенности его характера, манеру говорить, вести себя, сформируйте текст письма.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ИСТОРИИ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2023/2024 уч. год

БЛАНК ЗАДАНИЙ
11 КЛАСС

Задание 1 (тестовое).

1.1. По краткой биографической заметке узнайте русского писателя второй половины XIX века. Впишите его фамилию в бланк ответа.

Он родился в Москве, в благополучной семье адвоката, закончил Первую Московскую гимназию и долгое время работал в московских судах. Наблюдения над поведением людей в суде стали основой для первой комедии, которую этот писатель создал в 1847 году. Текст комедии писатель читал в литературных салонах Москвы и заслужил славу восходящего светила русской драматургии. В 1853 году в Малом театре впервые была поставлена пьеса этого писателя и на долгие годы Малый театр стал домом для него.

1.2. Узнайте литературных персонажей по портрету, назовите их автора и произведение, где они «живут»:

А. *«Длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, лицо оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум. Его темно-белокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупных выпуклостей просторного черепа».*

Б. *«Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока. Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки».*

В. *«За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременные поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду».*

Задание 2 (аналитическое)

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Андрей Битов

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ БАХА

Это было в 1988 году, еще при советской власти, но уже повядшей настолько, что брел я, не зная зачем, по Копенгагену: то ли пива попить, то ли пресловутую андерсеновскую русалочку наконец увидеть, то ли и то и другое... Погодка была знатная, любимая, северная — ни дождика, ни солнца. Хорошо, что я один! Я не хотел воссоединиться с группой советских поэтов (каждый из которых был уже подчеркнуто несоветским, а один, как оказалось при отъезде, даже сбежал, обретя любовь с первого взгляда). Не нужен мне был никто, когда я был остановлен радостным окликом.

Притормозив свой мопедик, меня бросился обнимать полужнакомый человек. Радость его была неподдельна, даже родственна. Родственной она в какой-то степени и оказалась: в моей оболочке он обнимал дедушку своего сына. Александр Александрович был моим ближайшим другом. У него я, выходит, этого зятя и видел. Я очень запомнил нашу первую и единственную встречу. Это было хоть и кухонное, но сильное музыкальное впечатление.

Было это, скорее всего, на святки. Мы сидели с Сан Санычем и попивали на его счастливой великановской кухоньке, когда к нам ввалились двое ряженых. Были они моложе, пьянее и веселее нашего. Один достал флейту и, весьма простодушно изобразив пастушка, стал вытягивать достаточно сложную тему, другой же стал аккомпанировать ему как ударник на всем, что у нас оказалось в ту минуту на столе: на пустых стаканах и бутылках, на вилках и ложках и даже на соленых огурцах и квашеной капусте. Оба были неподдельно музыкальны, и получалось у них здорово. Мы с Сан Санычем аплодировали и подливали артистам вполне заслуженно. Одного из них (того, что играл на огурцах) повстречал я однажды в Нью-Йорке, и мы почти не узнали друг друга; другого (что на флейте) — вот, в Копенгагене.

Я был рад флейтисту.

Он и тогда мне понравился (как музыкант), а сейчас — еще больше: так он был похож на собственного сына, которого я видел почти каждую неделю, а он, возможно, два-три раза в жизни, когда тот только появился на свет. Мальчику уже было скоро в школу идти. Саша (я не помнил, как его зовут, но по ходу его расспросов выяснил, что так же, как сына, а сына — так же, как его) сердечно расспрашивал меня про всех, про дедушку и бабушку, искренне радовался, что его жена Маша удачно замужем и что у его Саши уже появился сводный брат, — в общем, была в нем та удивительная нежность плохого отца, которой так не хватает хорошим родителям. Он ни за что не хотел меня отпускать. Он был рад, что у меня тут же нашлось на бутылку (у него не было ни копейки, или чего там у них — цента). Однако здесь было не принято пить из горла и на улице, но это был для него не вопрос. Он тут же бросил свой мопедик, никак не запирая (да кому он здесь нужен!), и мы, по-советски игнорируя переходы, трафик и трамвайные пути, двинулись напротив, на красный свет. Перед нами возрастало тяжкое, серое тело огромного храма (оказалось, королевской капеллы). Саша достал из кармана непомерный кованный ключ.

История его была печальна. Я припомнил рассказы Розы, его тещи (только тещи способны так одновременно любить и не любить своих зятьев), какой он непутевый и талантливый (любимый ученик легендарной пианистки Марии Юдиной, знаменитой своей неподкупностью и требовательностью), непростительно забросивший учебу, короче,

“закопавший талант”. К тому же вовсе не еврейская у него была фамилия, а самая что ни на есть аристократическая; у него даже сохранилась (до сих пор не пропитая) фамильная шпага древнего швейцарского рода, которому, в свои века, принадлежал один из маленьких миленьких кантонов. С этой шпагой он и свалил от призыва в “доблестную” за ее пределы; шпагу и фамилию признали, но кантон сохранил самостоятельность. Делать ему в Швейцарии оказалось нечего, и вот он в Копенгагене. Подрабатывает органистом по окраинным соборам. Дело в том, что “без бумажки ты букашка”, особенно здесь: у него нет диплома об окончании консерватории. И вот он уже, кажется, на третьем, нет, на втором курсе. Но зато! Зато он встретил меня. Зато у него есть ключ от королевской капеллы, которая используется по назначению крайне редко, лишь по случаю разного рода тезоименитств, и этот ключ предоставляется студентам консерватории для самостоятельных упражнений. И орган здесь замечательный!

В храме было полутемно и гулко, и в проходе стояли почему-то козлы, на которых очень удобно было распивать нашу бутылку. Я увлекся обстановкой, он — воспоминаниями, настроение стало возвышенным, и я попросил его что-нибудь сыграть. “Что ты хочешь?” — готовно откликнулся он. “Ну, что-нибудь из Баха”, — заказал я небрежно. “Что именно?” — “Что хочешь”. Он вскарабкался, как паучок, куда-то высоко; я остался у козел сторожить полбутылки.

Заиграл он сразу, без настройки. Сначала я слушал как обычно, не впервой пересчитывая органские трубы и размышляя, почему они не кратны числу нот, вспоминая из Владимира Федоровича Одоевского (друга Пушкина и первого нашего музыковеда), как четырнадцатилетний Бах на конфирмации впервые увидел и услышал орган и сбежал ночью из-под опеки своего сурового брата, забрался в храм и ползал за трубами в пыли, среди трупиков мух и паучков, устал, мальчик, уснул, и приснилась ему, ни мало ни много, “музыка сфер”, устройство мира.

В устройство мира я и попал.

О, это нельзя описать! Когда русский советский человек в Копенгагене стоит один посередине королевского собора с бутылкой в руке, а из-под купола на него снисходят божественные аккорды мессы! Права была Юдина: у нее вырос великий второгодник! Музыка росла, исчезала, вспыхивала, мерцала... это был Бах! Мне не стыдно, у меня и сейчас глаза на мокром месте. Счет времени потерялся, но вдруг Бах как-то плавно и невидимо искажился, поплыл... вбок, вверх и опять вбок... приблизился ко мне, к этой вот секунде, стал совсем уж мною, это был уже и не Бах. Я принимал его даже ближе к сердцу, чем того, которого так любил (в исполнении Глена Гульда). Я отнес это чувство за счет, теперь уже неоспоримой для меня, Сашиной яркой индивидуальности. Тема перелетела Баха, будто Моцарт, но Моцарт проскочил, споткнувшись о раннего Россини, со странным привкусом Телониуса Монка, и тут же как бы выпала в Россию, чуть ли не в Мусоргского с неожиданной примесью танго Пьяццолы и чуть ли не “Битлз”... в общем, все то, что я мог узнавать из любимого мной, пропало в этом смерче, и это был, конечно, тот же Бах, но мгновенно поглотивший все, всю будущую музыку, — не Бах, тянущийся к небу, а Бах, слышимый с небес. Но музыка и доносилась сверху, спокойно располагаясь в новом пространстве: голова моя была как храм. Все объемы совпали, не стало ни стен, ни кожи: Бах мог бы такое написать, просто я не знал. В конце концов, я мало знаю и плохо разбираюсь в музыке. Однако счастье было полным. Я был не в силах вынести такой музыки. Я неуклюже карабкался по узкой лесенке, бутылкой утирая слезы. С каждой ступенькой музыка все сильнее наступала на меня. Никогда меня здесь не бывало, да и быть не могло! Оглушенный, я оказался за его спиной. Спина была кривой и кривой, плечи хлопали, как крылья ворона или ангела. Орган тяжело сопел, как перед последним издыханием. Грубый расшатанный пол

давно не подметался и был усыпан невнятными серыми щепками, как отколовшимися звуками. Большой серый паук болтался в сердцевине инструмента, не в силах выпутать своих рук и ног (их у него было не меньше восьми) из педалей и клавиш и, как мне показалось, даже веревок. Он был брит и слеп, нижняя губа его отвисла, с дополнительным звуком он втягивал в себя слюну.

Я не дышал...

Наконец он дернулся в последнем аккорде, голова его упала на грудь, и он бессильно повис на всей сотканной им паутине.

Вдруг отряхнулся как ни в чем не бывало и очень обрадовался, что я уже здесь, и не один, а с бутылкой. Ну как? — легко спросил он, и это был тот самый Саша (я, впрочем, только теперь обратил внимание, что он коротко стрижен). Я стал лепетать свои бессмысленные восторги. Мы допивали, посматривая сверху на козлы, с которых начали. “Послушай, а что это было?! Ну, когда ты там...” Я попробовал хоть как-то описать то место, с которого начался другой Бах, но он меня понял. “Так это я импровизировал”. — “Это был не Бах?!” — “Да так, что пришло в голову”. — “Но ты помнишь хоть, что ты играл?!” Он лишь отмахнулся. “И ты это никак не записал?!” Я пошарил взглядом вокруг в надежде увидеть магнитофон, хотя уже знал, что здесь его не могло быть. “Так я же это для тебя играл”. Он подчеркнул это для тебя, но в тоне его не было и ноты царственности.

Бутылка сделалась пуста. Мы вышли из собора, он запер его; он нашел на месте свой брошенный мопедик, и мы продолжили. Среди прочего он рассказал мне следующий сон, который видел однажды в юности.

Будто он бредет по узкой улочке средневекового среднеготического города (никаких европейских впечатлений у него тогда еще быть не могло в условиях СССР) и вдруг отчетливо понимает, что именно в этом вот доме живет сам Иоганн Себастьян Бах. Не жил, а живет. Сей-час. Разница в эпохах его нисколько не смущает, и, преодолев робость, он решительно стучится в дверь. Дверь открывает суровая статная фрау с добрым лицом (или, наоборот, добрая фрау с суровым) и не прогоняет его, а проводит в гостиную: пусть гость подождет, пока маэстро занимается. Фрау удаляется, и он усаживается на краешек стула, внимательно впитывая опустевший небогатый интерьер, все больше убеждаясь в его неподдельности. Так он сидел. Судя по тому, что из соседней комнаты доносились разошедшие звуки клавесина, сползавшиеся в отчетливые, знакомые отрывки, прерываемые молчаливым шуршанием (по-видимому, записью), он уже был уверен, что точно, попал по адресу. Он попал не только по адресу, но и в тот момент! Он успел! В соединении фрагментов он узнавал его последнюю мессу. Баху уже недолго оставалось. Наконец пауза продлилась дольше обычного, двери распахнулись, и в комнату вошел как бы оцупью, как слепой, со стриженной налысо головой, беззубый, пухлый старик в халате. В халате не в халате, но в чем-то очень домашнем и затрапезном. Оплывший, как свеча.

И это был вовсе не Бах!

Все заготовленное вылетело у Александра из головы, и ему совершенно нечего было сказать. К тому же оказалось, он не знал по-немецки. Они вежливо покивали друг другу, и он очутился на той же улочке и только тогда вспомнил, что где-то читал, что Бах посадил себе зрение еще в детстве, когда, тайком от брата, переписывал при лунном свете запрещенные ему другие ноты, кроме той фуги, что приказано ему было целыми днями играть на клавесине взад и вперед, отрабатывая технику; что с возрастом, совсем теряя зрение, перенес он и несколько операций на глазах (выходит, и тогда они были, а не только у нас при Федорове и лазерах), что... и эта догадка поразила его больше всего: не мог же он и дома ходить в парике! а носить парик, поди, вообще жарко... вот и стриглись наголо!

И тогда до него окончательно дошло, что встретил он самого настоящего Баха, потому что никогда такой детали, как лысая голова, не мог бы выдумать.

И мне не потребовалось иных доказательств.

Не помню, чем, где и как закончился тот прекрасный день. Нетрудно вообразить. Где-то Саша снова играл на огурцах и стаканах, вспоминая молодость.

Куда делась живая музыка? Куда возвращается музыка, сыгранная единственный раз?..

Я вернулся в Россию, Саша и Бах остались в Копенгагене. Так однажды я встретил человека, которому, по приблизительным расчетам, было триста лет. Теперь уже на двадцать больше, так что он сам уже дедушка.

Надеюсь, он окончил консерваторию.

23 февраля 2007, Лорен.

Выполняя целостный анализ произведения А. Битова, примите во внимание следующие особенности его содержания: особенности пространственно-временной структуры (прошлое-настоящее); символику образа паука, композиционные особенности рассказа (значение сна персонажа), музыкальный контекст рассказа.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Давид Самойлов **ЗРЕЛОСТЬ**

Приобретают остроту,
Как набирают высоту,
Дичают, матереют,
И где-то возле сорока
Вдруг прорывается строка,
И мысль становится легка.
А слово не стареет.

И поздней славы шепоток
Немного льстив, слегка жесток,
И, словно птичий коготок,
Царапает, не раня.
Осенней солнечной строкой
Приходит зрелость и покой,
Рассудка не туманя.

И платят позднею ценой:
«Ах, у него и чуб ржаной!
Ах, он и сам совсем иной,
Чем мы предполагали!»
Спасибо тем, кто нам мешал!
И счастье тем, кто сам решал, -
Кому не помогали!

Выполняя комплексный анализ стихотворения Д. Самойлова, обратите внимание на различные смысловые характеристики жизненного периода зрелости человека. Как связана зрелость и творчество в сознании лирического субъекта, сколько точек зрения в тексте стихотворения.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 3 (творческое).

Письмо другу

Представьте, что Павел Петрович Кирсанов пишет письмо своему другу в Париж, описывая приезд племянника и его друга Базарова, помогите ему. Учитывая особенности его характера, манеру говорить, вести себя, сформируйте текст письма.